

Раздел III. Ценности российской цивилизации

UDC 130.2

DOI: 10.30936/2227_7951_2021_13_73_103

Ю.М. РЕЗНИК

ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО БЫТИЯ ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

***Аннотация:** Россия находится в ситуации цивилизационного разлома, который характеризуется идеократическим поворотом, социокультурными и антропологическими противоречиями между разными цивилизационными полями, разделяющими людей на ценностные группы. Цивилизационные ценности не только дифференцируют, но и объединяют их в единое социокультурное целое (межличностные ячейки, родовые и иные социальные образования), а также связывают по значимым параметрам («свобода — несвобода», «справедливость — несправедливость» и пр.).*

Россия так и не вошла в лоно западной цивилизации, оказавшись в экономической и информационной блокаде и сохранив во многом идеократический характер. Но при этом союз идеократии и плутократии превращает ее систему власти в квазиидеократию, сочетающую в себе черты коллективизма и индивидуализма, традиционного (авторитарного, по сути) порядка и приоритета «прав человека», «державности» и либеральности.

Цивилизационные поля квазиидеократической России формируют разнообразные типы человека, как «чистые» («человек равного труда», «буржуа» и «идеократ»), так и «гибридные» («симбиотическая личность», «бур-

Резник Юрий Михайлович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель центра философских коммуникаций Института философии РАН (Москва).
E-mail: reznik-um@mail.ru.

жуа-идеократ», «служебный человек» и т.д.). Однако симбиотическая личность как основной агент российской квазиидеократии не может выйти за пределы своего симбиоза (с идеократией и плутократией) и породить «чистую» модель цивилизационного развития. Это должен сделать другой тип («эко-деятель»), который еще не имеет своего цивилизационного поля и должен «расчистить» площадку для своего появления на исторической арене России.

Abstract: *Russia is in a situation of a civilizational rift, which is characterized by an ideocratic turn, socio-cultural and anthropological contradictions between different civilizational fields that divide people into value cohorts. Civilizational values not only differentiate, but also unite them into a single socio-cultural whole (interpersonal cells, generic and other social formations), and also link them according to significant parameters (“freedom – unfreedom”, “justice – injustice”, etc.).*

Russia has never entered the bosom of Western civilization, finding itself in an economic and information blockade and retaining in many respects an ideocratic character. But at the same time, the union of ideocracy and plutocracy turns its system of power into a quasi-ideocracy that combines the features of collectivism and individualism, the traditional (authoritarian in essence) order and the priority of “human rights”, “sovereignty” and liberality.

The civilizational fields of quasi-ideocratic Russia form various types of man, both “pure” (“man of equal labor”, “bourgeois” and “ideocrat”) and “hybrid” (“symbiotic personality”, “bourgeois-ideocrat”, “official person”, etc.). However, the symbiotic personality as the main agent of Russian quasi-ideocracy cannot go beyond its symbiosis (with ideocracy and plutocracy) and give birth to “a pure” model of civilizational development. This should be done by another type (“eco-activist”), which does not yet have its own civilizational field and should “clear” the platform for its appearance on the historical arena of Russia.

Ключевые слова: *Россия, ценности, человек, цивилизация, российская цивилизация, российский цивилизационный проект, цивилизационное бытие человека, цивилизационное поле, цивилизационные ценности, интегративные ценности, межчеловечность, сочеловечность, всечеловечность, транснациональные ценности, свобода, справедливость, равенство, идеократия, идеократический поворот, квазиидеократия, плутократия, персоналистичность, коллективность, идеология, правда, всеобщий человек, человек равного труда, буржуа, идеократ, симбиотическая личность, плутократ, «служебный человек», экологическая личность.*

Keywords: *Russia, values, human, civilization, russian civilization, Russian civilizational project, civilizational being of man, civilizational field, civilizational values, integrative values, inter-humanity, co-humanity, all-humanity, trans-national values, freedom, justice, equality, ideocracy, ideological turn, quasi-ideocra-*

cy, plutocracy, personalism, collectivity, ideology, truth, universal man, man of equal labor, bourgeois, ideocrat, symbiotic personality, plutocrat, "official person", ecological personality.

Предисловие. Цивилизация есть сфера сознательного бытия человека, у которого имеются свои ценности или ценностные ориентации. Есть они и у российского человека, который выбирает не только между силами добра и зла, света и тьмы, но и между векторами цивилизационного развития. Россия за последние сто лет два раза меняла свои цивилизационные ориентиры. И речь идет не столько о социализме или капитализме, сколько о ценностных приоритетах более высокого порядка, характеризующих качество бытия человека в целом. Ведь каждому человеку важно идентифицировать себя не только с обществом-государством, но и с более широкой, конвенциональной, по сути, общностью – цивилизацией.

Многие исследователи считают, что Российский цивилизационный проект (далее – РЦП) пока не завершен. Цивилизационный дискурс в обществе продолжается, а значит, и цивилизационные предпочтения у многих наших сограждан до конца не определились. Увы, быть человеком конкретной цивилизации суждено не каждому. Для этого необходимо, как минимум, принять цивилизационные ценности, разделяемые тем или иным сообществом, и следовать им в повседневной жизни.

Цивилизации как локальные культурно-исторические образования возникали и развивались по своим собственным законам. В качестве их признаков обычно называются общие ментальные черты и идентичность «Мы». Чаще всего речь идет не о географическом, а о едином социокультурном пространстве. А значит, кроме идентичности, они обладают реальностью, пусть даже символической. Впрочем, с точки зрения субъективистских концепций, реальностью является все то, что ею считают большинство участников взаимодействия.

Можно предположить, что цивилизация – это, помимо прочего, реальность сознания, имеющая свою телесность или вещественность. В этом смысле законы цивилизационного развития суть также законы духовного развития, так как ментальные различия («Мы-Они») коренятся не в материально-вещественной сфере, а в сфере духа. Получается, что взаимодействие цивилизаций происходит и на ментальном уровне, посредством обмена образами, сложившимися в сознании людей и выступающими в виде практик их смыслополагания.

По мнению В.В. Заславского, цивилизационное проектирование есть ни что иное как «возможность осуществления согласования ментальностей и взаимодействий, воссоздания в новых формах общинного само-

сознания» [1, 27]. Однако возникает вопрос, можно ли воссоздать то, что уже давно не существует. Общинное сознание холистично, а нынешнее сознание российских граждан раздроблено и фрагментировано на мельчайшие осколки. Его нельзя назвать целостным. В нем соединяется порой несоединимое. Собирать и склеивать осколки раздробленного сознания — еще не значит проектировать цивилизацию. Это можно отнести скорее к подготовительной (предпроектной) работе. Для начала необходимо воссоздать контуры больших культур, которые способны через своих носителей взаимодействовать друг с другом и породить цивилизацию как ментальное единство.

Может ли ценность «склеивать» эти осколки? Как известно, ею обладает для субъекта любая вещь или явление, которые пропускаются им сквозь фильтры его сознания и рассматриваются как значимые для него объекты. Поэтому, во-первых, ценность не только материальна, но и идеальна. Она характеризует субъективную и общеразделяемую (интерсубъективную) значимость чего-либо для субъекта. Во-вторых, ценности интенциональны, поскольку привязывают человека к вещам или явлениям, делают их значимыми для него. Наконец, в-третьих, они характеризуются конвенциональностью (от лат. *conventio* — соглашение), выступая результатом соглашения между субъектами культуротворчества. Нечто обладает ценностью не только для меня, но и для других.

Следовательно, цивилизацию характеризуют особые ценности, присутствующие, как правило, представителям больших культур и определяющие во многом их культурную идентичность наряду с индивидуальными и социальными (групповыми и общественными) ориентациями. Их назначение заключается в воспроизводстве общности представлений о цивилизации и поддержании ее символического единства.

Моя основная гипотеза состоит в следующем: *цивилизационные ценности человека складываются между высшим, «метафизическим» уровнем, конституирующим его бытие в целом, и «страновым», или национальным уровнем. Именно эти ценности связывают сознание представителей больших национальных культур, стремящихся к образованию наднационального духовного единства. В отличие от родства и этничности человек сам определяет свои цивилизационные предпочтения.*

Цивилизационные ценности я разделяю в свою очередь на два класса: интегративные и транснациональные. При этом первые объединяют людей в разных формах общения, поддерживающих целостность цивилизации «снизу-доверху», а вторые дифференцируют их на группы в зависимости от отношения к социальному порядку («свобода — несвобода», «равенство — неравенство» и пр.).

Интегративные цивилизационные ценности. В качестве базовых категорий РПЦ, обозначающих интегративные ценности цивилизационного развития, я предлагаю понятия «межчеловечность», «сочеловечность» и «всечеловечность». Первые два выражают соответственно межличностный и родовой характер отношений между людьми, существующими в рамках общего цивилизационного пространства. А последнее характеризует социокультурную специфику бытия российского человека в целом. При этом одно органично переходит в другое.

Цивилизация «начинается» с простейших форм общения, складывающихся между людьми (межличностных практик и семейно-родовых объединений) по поводу всеобщих смыслов их совместной жизни. Они составляют фундамент цивилизационного здания. Цивилизация состоит не столько из обществ, сколько из групп идентичностей как смыслообразующих единиц (прежде всего, межличностных ячеек и семейно-родственных объединений), которые образуются естественным (спонтанным) образом и могут существовать в разных общественно-государственных системах. Связи между ними носят преимущественно транскультурный и транснациональный характер. В этом смысле цивилизация представляет собой культурно (и ценностно) дифференцированное целое, объединенное особыми ценностями на первичном уровне.

Межчеловечность («идентичность со значимым Другим») — личная интенциональная связь двух и более людей, обусловленная их человеческим притяжением друг к другу и цивилизационными предпочтениями (ценностями, интересами, установками, эмоциональными привязанностями и т.д.). Она содержит обмен интенциональными активностями между конкретными людьми, знающими друг друга. Другими словами, это — взаимная устремленность индивидуальных и коллективных сознаний двух и более людей, которые связаны между собой эмоционально и духовно. В то же самое время это — то, что делает наше совместное существование не просто осмысленным, но и лично значимым, поскольку нас объединяют сходные представления о цивилизации. Значимый Другой удостоверяет своим присутствием мое цивилизационное бытие. Положенность в своем Другом и возможность продолжения себя в потомках — вот что изначально делает меня человеком и представителем данной цивилизации.

Межчеловечность — бытие со своим значимым Другим как существом, не столько близким по крови, сколько по признакам человеческого притяжения. Мы вместе со своими родными и есть частица цивилизации. Ведь быть человеком означает не только быть рядом с другим, подобным тебе человеком, разделяющим твои цивилизационные предпочтения («идентичность с Другим»). И само по себе это есть наивысшая цен-

ность, связывающая людей друг с другом в рамках рода. Через значимого Другого я узнаю о себе и всем роде.

Межчеловеческие связи возможны не просто между духовно близкими людьми (дружба, семья, любовь, соседство, коллектив и пр.), но и между теми, кто придерживается общих культурных установок. И именно на данном уровне происходит «первичное» освоение, поддержание и воссоздание цивилизационной идентичности. Здесь закладывается базис отношений «Мы-идентичность», выступающий первоначально в форме «Я – значимый Другой».

Сочеловечность («мы-идентичность») указывает на сопринадлежность людей друг другу, ценность совместности их цивилизационного бытия в пределах крупных сообществ (наций, этносов, поселений, культурных общностей и пр.). Ведь трудно стать субъектом цивилизационного проектирования, не будучи представителем большой или малой культуры.

В качестве примеров мы-идентичности можно назвать национально-культурное единство («мы – российский народ»), этнокультурные общности («мы – русские»), территориальные или поселенческие общности («мы – москвичи») и пр.

Межчеловечность (как «внутренняя» и личная связь со значимым Другим) и сочеловечность (как связанность культурными узами с другими людьми, разделяющим наши ценности) я рассматриваю в качестве онтологических предпосылок всечеловечности, которая характеризует самый высокий уровень цивилизационной идентичности.

Всецеловечность (глобальная идентичность) завершает понятийный ряд, указывающий на интегративные цивилизационные ценности. Она базируется в свою очередь на сочеловечности и межчеловечности, которые интегрированы в нее соответственно как ценности совместного смыслополагания (состояние взаимной осмысленности в межличностных отношениях, связанность с чужим значимым Другим) и взаимного удостоверения существования друг друга (состояние сопринадлежности к культурным целостностям). Всецеловечность предполагает далее вовлеченность индивида, группы или общества в коллективное целое при условии сохранения их субъектности, а также всего разнообразия культурных ориентаций. Это – то, что делает цивилизацию не только многообразием субъектов гетерогенной (разнокачественной), но и осмысленной культурной целостностью.

Однако для описания аксиологии цивилизационного развития человека данной понятийно-ценностной конструкции недостаточно. Необходимо учитывать и противоположные векторы. Межчеловечности как интенциональному взаимодействию людей на межличностном уровне, в

результате которого происходит их совместное смыслополагание и достигается взаимная осмысленность бытия, противостоит надчеловечность (стремление к собственной избранности и исключительности), сочеловечности (сопринадлежности людей друг к другу и к своей культуре, взаимная удостоверяемость бытия) – расчеловечивание (отпадение от культуры, утрата человеческих качеств и взаимное отчуждение). Всечеловечность (вовлеченность в культурное целое гетерогенных субъектов) соотносится с общечеловечностью (универсальными ценностями мировой, т.е. западной цивилизации).

Именно всечеловечность является базовой характеристикой российской цивилизации или того, что ей предшествует. Почему она? Потому, что эксперимент с цивилизовыванием нашей страны и ее искусственным включением в лоно так называемой общечеловеческой цивилизации у Запада и их «внутренних» агентов не получился.

Транснациональные критерии ценностной дифференциации цивилизационного бытия человека. Россия постоянно находится перед выбором. Но выбирать приходится не только стране, но и человеку, который в ней живет и работает. Возможно, ему не подходят технологии расчеловечивания и надчеловеческого существования (глобализации), культивируемые на Западе. Возможно, опять же, что проект общечеловечности зашел в тупик. И, хотя об этом свидетельствует кризис демократии во всем мире, это требует дополнительных доказательств.

Однако, кроме интегративных ценностей, существуют еще транснациональные ценностные ориентиры бытия человека в России, в т.ч. такие ценностные дилеммы, как «свобода – несвобода», «равенство – неравенство», «справедливость – несправедливость», «персоналистичность – коллективность», «либеральность – державность», «вещественность – идеократичность», «авторитарность – демократичность» и пр. С этой точки зрения, люди той или иной цивилизации могут рассматриваться в ценностном плане как свободные или несвободные, культивирующие социальное (социокультурное) равенство или утверждающие неравенство, а также представляющие справедливость или несправедливость, коллективисты или индивидуалисты, либералы или державники, авторитарии или демократы и т.д. И для меня отнюдь не очевиден тот факт, что российский человек всегда или в большинстве случаев будет выбирать ценности свободы, справедливости, равенства и демократии. Возможны и другие варианты.

Поэтому моя *первая рабочая гипотеза* состоит в том, что *российский человек существует в сложном, как правило, политизированном цивилизационном пространстве, постоянно выбирая между основополагающими цен-*

ностями – коллективистской ориентацией («бытие всех со всеми и ради справедливости для всех») или индивидуалистической, персоналистичностью («свободное бытие каждого для-себя или для-своих»), идеократичностью («бытие всех и каждого ради служения идее и справедливости для своих») и либеральностью («бытие всех собственников на условиях легитимации свободы одних и несвободы других»).

На протяжении всей российской истории ценностные векторы ее цивилизационного развития постоянно менялись. Смею предположить, что неизменным оставалось одно – «ядро» культуры, состоящее из архетипов коллективного когнитивного бессознательного. Опять же не берусь приводить здесь перечень архетипов. Это – тема отдельного обсуждения. Но так уж исторически сложилось, что Россия не раз примеряла на себя политизированные ценностные одежды западной цивилизации. Последний раз реформаторы нам предложили в 1990-е гг. взять на вооружение либеральные ценностные ориентиры («свобода», «рынок», «демократия» и пр.). Но очередной эксперимент, связанный с импортом чужих ценностей, не принес ожидаемых результатов его проектировщикам. И в этот раз они снова столкнулись с сопротивлением «ядра» собственной культуры, следствием чего явилось отторжение большинством людей привнесенных извне культурных суррогатов и ценностных образцов.

Персоналистические ценности западной цивилизации так и не прижились на российской почве. Вместо рыночной демократии у нас стала набирать силу плутократия (др.-греч. *πλοῦτος* – богатство, *κράτος* – правление), понимаемая в данном случае как союз крупных собственников капитала и высших эшелонов власти. К существенным чертам отечественной плутократии исследователи относят присвоение общественных, частных или государственных средств посредством криминальных финансовых схем и пирамид, стяжательство в гиперболизированном виде, аморальность и презрение к законам и морали, нигилистическое отношение к государству и пренебрежение к стратегическим интересам страны, антипатриотизм и прозападная ориентация, подкуп представителей власти и пр. [2, 22-26].

И все же отечественная плутократия, спекулирующая на чужих ценностях, оказалась неспособной навязать свои цивилизационные представления многим российским людям. Их восприятие свободы осталось прежним. Дело в том, что на Западе свобода одних зачастую сосуществует с неравенством и неравноправным положением других. В России же многое зависит от того, как тот или иной человек пользуется своей свободой: преимущественно «для себя» или для решения целей общего дела. Чаще всего он ищет правду, а не свободу. В извест-

ной степени правда и есть синтез представлений о свободе и справедливости (см. прим. 1).

Провозглашаемый у нас тезис о том, что свобода одного человека заканчивается там, где начинается свобода другого, часто оказывался не подкрепленным конкретными правовыми и моральными механизмами. А справедливость, как правило, предполагает равенство, хотя и не всегда приводит к нему. В большинстве случаев мы имели дело с обыкновенными декларациями о намерениях. Но этого явно недостаточно для цивилизационного самоопределения человека в России. Последняя в силу иной культурной логики так и не стала персоналистической и «демократической» цивилизацией или хотя бы ее частью. Но я не уверен также в том, что она остается до сих пор коллективистской, поскольку плутократии в значительной мере удалось подорвать идеократический порядок в обществе и расшатать нравственные устои общества.

Да, возможно, российские люди еще не «созрели» для свободной жизни (разумеется, в ее западном смысле), предпочитая искать всеобщую свободу (свою «правду») и «справедливость для всех». Однако они не приняли и интересы плутократии. У нас никогда не уважали людей, наживших состояние несправедливым путем. Об этом свидетельствует также опыт развития постсоветской России в последние тридцать лет.

История России и других стран неоднократно демонстрирует нам уроки того, что свобода редко бывает общим достоянием. Ее тоже можно «приватизировать», что и продемонстрировали нам неоднократно плутократы в 1990-е гг. И за всеобщую свободу нам еще предстоит побороться. Конечно, гораздо проще иметь дело с суррогатами свободы, которые изливаются как из рога изобилия. Так, в самом начале перестройки идеологи «приватизации» (первая волна плутократии) призывали нас к экономической свободе. Но получив ее в виде «ваучеров», мы оказались в один прекрасный момент без собственности, т.е. попали в заведомо неравное положение. Тогда нас «освободили» в буквальном смысле не только от нашей доли в общенародной собственности, но и от самой свободы в её материально-вещественном измерении. Последняя досталась наиболее предприимчивым или просто изворотливым людям и, в конечном счете, плутократии в целом.

Однако я убежден в том, что свобода и справедливость, несмотря на существующие различия в их интерпретации, все же могут служить критериями ценностной дифференциации разных типов локальной цивилизации и соответствующих им типов человека (см. прим. 2). Цивилизационное развитие не происходит на пустом месте. И здесь недостаточно изменения лишь одних представлений о нем. Нужны реальные сдвиги (см. прим. 3).

Табл. 1. Модели цивилизационного бытия человека в России

Ценностные критерии	Проекты цивилизационного развития России и типы человека	
	Ориентация на свободу	Ориентация на справедливость
Типы цивилизации, тяготеющие к коллективистским формам бытия человека		
Утверждение социального и культурного равенства	Проект всечеловеческой цивилизации (или цивилизации всеобщей свободы и социального равенства "для всех") — человек всеобщего труда.	Проект социально-ориентированной и коллективистской цивилизации (или цивилизации равных возможностей и справедливости "для всех", социализма или ее неполного аналога - коллективистской идеократии) — человек равного труда.
Типы цивилизации, предполагающие индивидуалистические формы бытия человека		
Признание социального и культурного неравенства	Проект персоналистической цивилизации (или бытия свободы "для-себя" или "для своих", т.е. привилегированных классов, и социокультурного неравенства "для всех") — буржуа и также наемные работники.	Проект индивидуалистической идеократии, (или цивилизации справедливости "для своих" и социального неравенства "для всех" — индивидуалистические идеократы, плутократы и зависимые люди (служебный человек)).

Попробую теперь представить ценностные основания противоборствующих сегодня цивилизационных проектов России и соответствующим им моделей цивилизационного бытия человека (см. табл. 1).

Отсюда следует, одни граждане России предпочитает, возможно, персоналистическую или, напротив, социальную (коллективистскую) цивилизацию, а другие — идеократическую или всечеловеческую. Однако на практике оказывается не все так просто. Область пересечения или совпадения их предпочтений образует нечто наподобие магнитного поля, которое и задает ценностный вектор цивилизационного развития России. Подтверждением тому является необычайная устойчивость прежних архетипов (например, сохранение советского менталитета у значительной части российских людей, поддержание традиционных форм семьи и брака и пр.).

Нужно отметить, что идеальная цивилизация, которую многие мыслители прошлого ассоциируют с всечеловеческим обществом (например, коммунизм), остается по-прежнему труднодостижимым, хотя и совершенным идеалом. А цивилизация равных возможностей (социализм) сложилась лишь в несовершенном виде, оказавшись не идеальным, но реально-достижимым феноменом. Возможно, ее отдельные начала присутствовали в советской цивилизации и сохраняются отчасти в современном Китае. Большинство же локальных цивилизаций современного мира тяготеют в последние десятилетия к несовершенному идеократическому типу.

Политизация цивилизационных ценностей и идеократия. Моя вторая рабочая гипотеза состоит в том, что *в XXI в. окончательно происходит переход от духовных к политическим (и непосредственно — идеократическим) ценностям как основаниям цивилизационного развития.* Или, говоря иначе, духовные ценности оказываются политизированы, чего раньше не наблюдалось. Такие ценности, как «свобода», «справедливость», «равенство»,

«демократия» «права человека» и пр. переходят в разряд политических ценностей. Они становятся не только инструментами политико-идеологической борьбы на национальном или глобальном уровнях, но и причиной многих военных конфликтов. Так, под предлогом нарушения «прав человека» в той или иной стране, которую более «демократические» страны объявляют авторитарной, могут использоваться различные санкции и даже вводиться военный контингент. Тем самым страны так называемого «демократического альянса» развязали себе руки и стали открыто игнорировать нормы международного права.

Россия также оказалась в числе политически неблагонадежных и идеологически враждебных стран. Еще недавно нас приглашали вернуться в «дружную семью» цивилизаций. Теперь же мы пребываем по другую сторону баррикад. Западная цивилизация, претендующая на универсализм, исчерпала свой экспортный «либерально-демократический» потенциал в России и снова отторгает ее как чужеродное тело, пытаясь превратить в цивилизационного изгоя. Нам объявили идеологическую войну, цель которой очевидна – блокирование РЦП и сворачивание цивилизационного пространства современной России. И если раньше можно было говорить о противостоянии двух мировых систем (социализма и капитализма), то теперь ситуация обнажилась до предела. Очевидно, что Запад (и, прежде всего, США) выступает ни сколько против нарушения «прав человека» в России, столько против РЦП как альтернативного общечеловечности проекта цивилизационного развития, базирующегося на идее всечеловечности. По-видимому, чтобы сосредоточить все силы на противостоянии с Китаем, ему необходимо для начала вывести Россию из большой геополитической игры, заблокировать ее РЦП.

Но не только это объясняет ситуацию выталкивания России из цивилизационного пространства Запада. Последний упорно навязывает ей практики и технологии расчеловечивания и надчеловечности (глобализации), которые разрушают традиционные основы ее общественного порядка. Именно всечеловечность как возможная интегративная ценность современной российской цивилизации в отличие от общечеловечности не ведет к универсальному проекту и позволяет объединить народы России в цивилизационную общность на собственных основаниях. Ее приводными ремнями выступают иные, чем на Западе, культурно-цивилизационные связи (трансэпистемные или субъект-предикатные «связки») РЦП, а качеством со-бытия – *плюриверсальность* (признание множественности равноценных и разнологичных миров – цивилизаций, культур, групп, индивидуальных жизненных путей и пр.). «Идея другого мира, в котором будет сосуществовать множество миров, а не надоевшее пред-

ставление об альтернативной модерности, основана именно на плюриверсальности как универсальном проекте, который избегает свойственного модерности имперского искушения навязать человечеству пригодное для всех знание, будь то христианство, фундаментализм любого толка, либерализм или марксизм» [4, 156].

Проблема состоит в том, что РЦП до сих пор не смог реализоваться как универсальный (вначале как социалистический, а затем как либеральный) проект. Вот почему у нас пока нет единства в понимании стратегии цивилизационного проектирования. Напротив, у каждой влиятельной силы в России имеется свой собственный проект цивилизационного развития. Возможно, РЦП следует рассматривать как плюриверсальный проект всечеловечности, базирующийся на других, чем на Западе, интегративных и транснациональных ценностях, а также локализованный в межкультурном/межчеловеческом пространстве России и близких к ней (по способу смыслополагания) стран или народов. Но для такой трактовки пока недостаточно оснований, если не учитывать концепцию классического евразийства. Удастся ли нам стать другим миром и предложить свой путь цивилизационного развития, покажет время. Пока же необходимо уточнить набор транснациональных ценностей, которые предположительно связывают российскую цивилизацию по горизонтали.

Политизация цивилизационных ценностей сопровождается поворотом к идеократизму. Что же это такое? Приведу некоторые черты, характерные для несовершенной идеократии, допуская при этом, что она возможна и в более совершенном виде, который описывали классические евразийцы.

Во-первых, господствующим режимом в таком обществе (цивилизации) становится идеократия («власть идей, идеалов»; от греч. *idéa* – «идея» и *крѳтос* – «власть») – система власти, управляющая людьми посредством выдвижения идей или идеалов, включая и манипулирование их сознанием. Для этой цели используются подконтрольные государству или корпорациям СМИ.

Во-вторых, несовершенная идеократия – это власть избранных, наделенных привилегированным статусом и являющихся носителями особого знания, предназначенного для влияния на массы (идеологии).

В-третьих, ценностная структура несовершенной идеократии предполагает иерархию ценностей на «внешние», предназначенные для массового распространения (пропаганды), и «внутренние» или «корпоративные». К последним относится все то, что значимо для самих идеократов и их руководства (лидерства). Они регулируют их отношения друг с другом и определяют статус во властной вертикале.

В-четвертых, несовершенная идеократия носит авторитарный характер и построена во многом вокруг института лидера («вождь народа», «национальный лидер», «фюрер», «дуче», и пр.), выступающего, как правило, «главным идеологом» или «хранителем высших ценностей». Поэтому она предполагает сакрализацию его личной власти, а в исключительных случаях – культ личности.

В-пятых, несовершенная идеократическая система экспансивна в военно-политическом плане и, как правило, ориентирована на выполнение большой миссии в мире, выходящей за ее пределы («коммунизм на всей планете», «демократия для всех» и пр.). При этом ее характеризуют имперские устремления. Любая империя, включая классическую, идеократична по своей природе, равно, как и наоборот. Но быть ей «империей зла» или «либеральной империей» зависит от того, кто и как ее оценивает.

В-шестых, в зависимости от характера ценностей идеократия подразделяется на индивидуалистическую (или либеральную) и коллективистскую. Поэтому идеократическая цивилизация выступает в двух основных формах (пример – США и Китай).

Идеократические модели цивилизации и общества описаны еще в «Государстве» Платона. В идеальном государстве правят властители умов – философы – выходцы из сословия стражей (воинов). В нем господствует общность имущества, а частная собственность запрещена. В трудах классических евразийцев (Н. Трубецкой) идеократия рассматривалась как главная руководящая сила общественной жизни. Однако «чистая» и совершенная идеократия редко встречается в реальности.

Самым же радикальным примером извращенной и несовершенной (и индивидуалистической по сути) идеократической цивилизации выступает фашизм с его откровенно реакционными и расистскими идеями. По своей сути квазиидеократическая цивилизация нацистской Германии является «смешанным» способом цивилизационного развития, совмещающим в себе, с одной стороны, элементы рыночной экономики и отношения социального неравенства, характерные для персоналистической цивилизации в целом, и, с другой, избирательную справедливость, пропитанную зачастую духом расизма и человеконенавистничества, что отличает праворадикальный вариант идеократической цивилизации.

Именно такой была на практике цивилизация Третьего Рейха, которая возникла на просторах оккупированной и подчиненной Европы в 1930-е гг., и просуществовала вплоть до своего окончательного разгрома. Несколько иначе возникает другой, более мягкий вариант идеократической цивилизации – советский, олицетворением которого выступает в конце 1930-х – начале 1950-х гг. сталинизм. Различие между ними состо-

ит в следующем. Если фашизм возникает именно на почве буржуазной (персоналистической) цивилизации как ее наиболее радикализированный и бесчеловечный вариант, то сталинизм, маоизм и другие варианты просоциалистической идеологии относятся к идеократии коллективистской цивилизации.

Но на этом история идеократических режимов не заканчивается. Они прекрасно существуют как на Востоке (Китай, КНДР), так и на Западе (США). В последнее время либерализм все чаще идет на союз с крайне правыми националистическими силами, что чревато появлением еще одной формы квазиидеократизма – либерал-фашизма. Об этом свидетельствуют некоторые тенденции в политическом ландшафте США, Франции, Германии и других западных стран. Именно этим объясняется рост интереса к идеям сверх- и трансчеловека, и практикам расчеловечивания в некоторых идеологических кругах на Западе.

Следовательно, при данных критериях (свобода/справедливость и равенство/неравенство и пр.) типология цивилизаций все же возможна. Но она существенно отличается от имеющихся представлений о типах цивилизационного развития человека и общества.

Цивилизационные типы человека, выделяемые по ценностным основаниям. Моя третья гипотеза заключается в следующем: *каждая цивилизация порождает собственный тип человека, выступающего, как правило, носителем доминирующей культуры.* В соответствии с ценностями можно выделить четыре «чистых» типа: «*всеобщий человек*» – свобода, равенство, справедливость, «*буржуа*», или «человек эксплуатирующий» – индивидуальная свобода для избранных, «*человек равного труда*» – справедливое равенство и «*идеократ*» – «избирательная» справедливость. Кроме того, каждый из выделенных типов различается своим отношением к труду. Неслучайно К. Маркс рассматривал всемирную историю как «порождение человека человеческим трудом», или как «производство жизни посредством труда».

Представлю некоторые из «чистых» цивилизационных типов человека. При этом я хочу подчеркнуть, что все эти типы имеются в любой цивилизации, но только в одних общественных системах они доминируют, а в других нет. Но для начала представлю несколько упрощенную картину идеальных цивилизационных типов.

Буржуа. Буржуазная идентичность характерна для персоналистической цивилизации в целом и сосредоточена вокруг индивидуальной свободы. При этом можно предположить, что ее истоки марксисты видят в характере присвоения чужого труда, а либеральные мыслители – в степени свободы, обусловленной в свою очередь объемом капитала. В после-

днем случае имеет место следующая мифологема: «чем богаче человек, тем он более свободен».

В классическом же представлении Буржуа — это тот, прикрываясь лозунгами о свободе (преимущественно политической), живет за счет чужого труда и присваивает себе все, что ему по праву не принадлежит. Он как представитель своего класса сам не производит ничего, кроме частичных продуктов умственного труда, но пользуется, по словам К. Марксу, всеми результатами чужого накопленного труда. Его стратегия жизни — увеличение накопленного богатства за счёт усовершенствования эксплуатации чужого труда и использования рыночной конъюнктуры.

Как известно, Маркс называл этот феномен *отчуждением труда*. И пока Буржуа обладает монополией на средства производства, в т.ч. и на труд наемного работника, его нельзя «устранить» как цивилизационный тип. И этот факт сегодня не может затенить ничто, включая все разговоры об информационном, сетевом или постиндустриальном обществе, где якобы прежний буржуазный образ жизни утрачивает силу. В той же мере принято рассматривать современный капиталистический рынок как «стихийную социальную силу», которая не зависит от воли и поведения людей. Но при этом отчуждение воспроизводится вновь и вновь.

Таким образом, отчуждение трансформирует персоналистическую и капиталистическую цивилизацию Запада в превращенную действительность, в которой все выигрышные позиции занимает главным образом один тип человека — Буржуа, будь-то олигарх или мелкий/средний собственник (например, владелец автосервиса). Именно ему достается почетная роль «снимателя сливок» с общественного пирога. При этом Буржуа, повторяю, не ушел с исторической арены и по-прежнему продолжает шествовать по планете. Он лишь изменил свой облик. В России Буржуа выступает под разными наименованиями (например, «богатый мещанин» или «владелец фабрик и заводов» в имперский период русской истории, «новый русский» в 1990-е и 2000-е гг., «чиновник-предприниматель», «бизнесмен» в наше время и пр.).

Человек равного труда. Марксисты полагают, что на смену Буржуа приходит Человек всеобщего труда (свободная и всесторонне развитая личность), но не сразу, а через посредство Человека равного труда. Сам же Маркс писал о «равенстве труда различных индивидуумов» и «взаимном отношении их труда как равного», подразумевая под равным трудом общественный труд или, говоря иначе, включенность всех и каждого в общественный процесс труда.

Полагаю, что Человек равного труда (носитель ценностей равенства и справедливости) еще не свободен в полной мере. Он зависит от средств

производства и технологий, а также от Буржуа, других участников совместного трудового процесса. Но такое общественное разделение труда при социализме считается «справедливым» в буржуазной цивилизации и поддерживается на всех уровнях ее политической организации.

Однако в социалистическом обществе власть принадлежит не собственникам, а людям труда и их ассоциациям. В значительной мере этот тип был распространен в советский период. В наше время он в «чистом виде» встречается крайне редко. Его жизненная стратегия — самореализация посредством труда и стремление к получению равных возможностей. Однако для него нет социальной почвы в персоналистической цивилизации. Стихией такого человека выступает коллективистская организация труда, ориентированная на общее дело (строительство общества) на основаниях равенства и справедливости.

Идеократ. Идеократическая цивилизация связана с другим типом человека — Идеократом, выражающим ценность «избирательной» справедливости. Другими словами, последний понимает справедливость по-своему, прежде всего, как возможность приоритетного получения жизненных благ для «избранных», т.е. тех, кого считают по установленным свыше критериям наиболее «чистыми» в идейном плане и преданными политическому курсу правящей идеократии. Он признает лишь равенство «для своих», объявляя чужих неблагонадежными («врагами рейха», «врагами ислама», «врагами народа», «врагами свободы и демократии» и пр.), которые не заслуживают достойной жизни. Вместе с тем исторический опыт свидетельствует о том, что «бывшие», т.е. те, кто попал в немилость к идеократической власти или был репрессирован, могут оказаться со временем убежденными идеократами, а последние — стать в один момент «врагами народа» и т.п. Но все это — результат непоследовательного и непредсказуемого характера самого идеократического режима, зависящего во многом от воли лидера (вождя, фюрера или кормчего), а также от их непосредственного окружения.

Что же касается характера труда, то он в идеократическом обществе остается отчужденным, разделяя людей на властвующих и подчиненных, идеократов и иных. Наиболее радикальные из идеократов создают и поддерживают, с одной стороны, атмосферу страха и подозрения, насаждая идеологические стандарты и присваивая людям те или иные идеологические ярлыки («истинный ариец», «преданный делу партии и народа» или «немецкий шпион», «враг народа», «противник демократии», «нарушитель прав человека» и пр.). А, с другой стороны, люди, несмотря на свой трудовой вклад, подразделяются в идеократическом обществе, как и в романе Джорджа Оруэлла «Скотный двор», на «допущенных к столу»,

т.е. имеющих не только доступ к всевозможным благам, но и право ими распоряжаться, тех, кто «стремится быть допущенными к столу», и, наконец, тех, кто уже никуда не стремится и смирился со своим положением «униженных» и «оскорбленных» (социальное дно).

Социальной основой идеократического общества индивидуалистической ориентации выступают мелкие и средние собственники («бюргеры»), ориентированные на устойчивое благополучие, а в обществе коллективистской идеократии – привилегированная часть трудящихся, стремящаяся к социальному и трудовому успеху («рабочая аристократия», «герои труда»). Именно от их имени выступает господствующая идеократия (партийные функционеры и идеологи режима). При этом еще одна категория людей, пребывающая в низших слоях идеократической системы, вообще теряет всякую надежду на благополучную жизнь и практически ни к чему не стремится. Их жизненная стратегия – физическое и социальное выживание.

Человек всеобщего труда. Данный тип человека относится к идеальному общественному устройству. Его появление связывают, как правило, с коммунистическим идеалом. Коммунизм и есть общество всеобщего труда. Благодаря последнему и складывается такой тип человека, как всеобщий. Как известно, Маркс определял абстрактно-всеобщий труд как равный труд, создающий потребительную стоимость. При этом он рассматривал всеобщий труд как свободную деятельность, приходящую на смену отчужденному труду, который обусловлен отношениями частной собственности. Пока существует эта форма собственности, всеобщий труд не будет реализован в полной мере, так как для этого следует освободить всех людей от эксплуатации и непосредственной зависимости их физических потребностей от труда.

Чтобы преодолеть отчуждение, человеку необходимо вернуть самому себе продукты его собственного труда (произведенный им предметный мир) и его же родовую сущность как субъекта свободной и сознательной деятельности. Тем самым будет преодолено отчуждение человека от человека. Только таким образом можно воплотить всеобщий труд в действительности, сформировав тем самым всеобщего человека. А это невозможно сделать, по Марксу, без социальной революции. Буржуазия, использующая средства социального насилия и принуждения, не готова добровольно уйти с исторической арене.

Всеобщий труд есть, прежде всего, труд, преобразующий самого человека и формы его общения в направлении свободного и всестороннего развития. Он превращает деятельность людей в самодеятельность. Другими словами, его главной целью выступает сам человек как носитель

родовой сущности. При этом на первый план выходит не производство средств к существованию, «поскольку люди должны иметь возможность жить», а их способность творить самих себя и собственную историю, т.е. производство человека. Только так они смогут стать, в конце концов, «объединенной и сознательной социальной силой» в отличие от рынка и прочих стихий капитализма, разобщающих людей посредством отчуждения, а значит перейти от мнимых или превращенных форм общения к подлинной коллективности.

Значит ли это, что Всеобщий человек достигает наибольшей степени свободы по сравнению с другими типами, в т.ч. «буржуа» и «человеком равного труда»? Несомненно. Свобода Буржуа иллюзорна и покоится на отчуждении труда наемных работников. А свобода «Человека равного труда» недостаточна, так как он еще не подчинил себе все производительные силы. По-видимому, только Всеобщий человек получает возможности для всестороннего развития своих задатков и обретает свободу в подлинном общении с равными себе.

В общем-то, Всеобщий человек — это мечта человечества, неосуществимая на данном этапе исторического развития. А возможности его «гибридизации» весьма ограничены. В лучшем случае можно говорить о таком обобщенном образе, как «свободный художник», для которого важно «искусство ради самого искусства» и который относится по роду своих занятий к самозанятым работникам.

Ближе всего ко всеобщему человеку оказывается, на мой взгляд, Экологическая личность (эко-деятель), которая еще не проявила себя в полной мере и пока остается маргинальным типом. А, впрочем, маргинальными оказываются сегодня все «чистые» типы человека. Где вы видели, уважаемые читатели, классического Буржуа или типичного Человека равного труда, или, наконец, живого Идеократа? Мы живем во времена «гибридных» войн, форм и типов. Человек-гибрид становится главным действующим лицом современной эпохи.

Трансформация идеократической цивилизации в России. Идеократический дух цивилизации в России и характерная для него претензия на мировое влияние оказались необычайно живучими. Он пережил Советский Союз и получил распространение в современной России, несмотря на конституционный запрет на единую государственную идеологию, и в сопредельных странах, ищущих свой путь развития в лоне больших цивилизаций.

Могу предположить, что СССР на стадии своего становления представлял собой смешанную модель государства-цивилизации — коллективистский идеократизм с элементами социализма (или «социалистичес-

кий идеократизм»). Основой советского строя в 1920-1930-е гг. выступал, как известно, догматический марксизм-ленинизм в его сталинской интерпретации, а также учение о социализме с учетом национальной специфики, как таковое. Не случайно Сталина некоторые исследователи считали (и продолжают считать) главным идеологом социализма, строящегося в отдельно взятой стране. Могу допустить, что сталинизм как идеологизированная версия марксизма был, а вот реального социализма так в итоге и не стало.

Считается, что социализм — это общество равных возможностей «для всех», а советская власть сформировалась изначально как большевистская идеократия, создающая общественный строй «для своих» (политически лояльных представителей рабочих и крестьян). Позже и они перестали быть реальными хозяевами в своем доме. Главенство в нем захватили «настоящие» идеократы или партократы.

О каком равенстве тогда могла идти речь, если классовая борьба была в самом разгаре и целые слои населения, которых называли «бывшими» (дворянство, царские офицеры, чиновники, духовенство и пр.), лишались гражданских прав и планомерно уничтожались? А в это время партийно-государственная элита получала на фоне низкого уровня потребления большинства граждан страны усиленные пайки и комфортные квартиры, что никак не вязалось с образом общества равных возможностей.

Но все же элементы социализма в советской цивилизации были. Так, практически с самого начала в СССР появились социальные лифты и значительная часть бывших рабочих и крестьян приобрела возможность получить бесплатное образование. И все это происходило наряду с увеличением количества рабочих мест и продвижением во власть представителей когда-то угнетенных классов, что создавало условия для относительно равноправного участия людей в строительстве новой жизни. Именно в эти годы стал складываться и новый тип человека — советский с его коллективистской психологией, обостренным чувством справедливости и идеалами великого будущего (коммунизм).

Но как и следовало ожидать от идеократического режима, советская власть стала обрастать со временем огромным бюрократическим аппаратом, который выстроил для себя отдельную инфраструктуру жизнеобеспечения, и утратила во многом свой идеократический характер. Идеологические устои общества постепенно размывались. Часть общества (и, прежде всего, партийная элита) медленно дрейфовала в сторону буржуазной идентичности. Об этом предупреждал в свое время Н. Трубецкой, говоря о перспективе обуржуазивания советской власти. Так, в конце концов, и произошло.

И в конце 1970-х – начале 1980-х гг. уже мало кто из советских людей верил в неизбежную победу коммунизма. Утрата высоких идеалов и «обуржуазивание» партийно-государственной номенклатуры привели в конечном счете к разрушению идеократических основ советского общества и появлению квазиидеократизма (идеократизма по форме, а не по сути) и его спутника – плутократии. Проект социализма уже не мог быть реализован, а коммунизм так и остался прекрасной мечтой для многих поколений советских людей.

Вместе с тем советская эпоха наряду с аппаратом принуждения, раздувшимся до небывалых размеров, породила множество новых социальных страт и человеческих типов: научно-техническую и художественную интеллигенцию, рабочие династии, плеяду советских военначальников, криминальные структуры и др. Официально декларируемый дружественный союз рабочего класса, трудового крестьянства и творческой интеллигенции не отражал реальной ситуации, сложившейся в структуре советского общества.

Идеократический строй разлагался на глазах, теряя свою прежнюю мобилизующую силу. Появились новые социальные страты и типы человека, которые подобно муравьям стали разрушать монолитную глыбу идеократии – «теневики», организованная преступность, «красные директора», местные партийные князьки и т.д. Это была первая волна квазиидеократии, т.е. обуржуазившейся по сути партократии, значительная часть которой на словах продолжала «служить» общественным идеалам, а на практике занималась личным обогащением.

Россия, как и в начале века, снова вступила на путь цивилизационного разлома. И в 1990-е гг. ей был навязан чужой цивилизационный проект, который так и не прижился на ее культурной почве. «Прививка» персоналистичности не случилась. В результате «перестройки» и так называемой «приватизации» стал складываться еще один цивилизационный гибрид, сохранивший некоторые черты идеократизма, но уже вобравший в себе дух первоначального накопления капитала и плутократии (вторая волна квазиидеократии). На первый взгляд Россия 2000-х продолжает идти по пути идеократического капитализма, обостряя противоречия с глобальным капитализмом, прежде всего, в лице США. Но это только при самом поверхностном рассмотрении. На практике же наша идеократия давно вкусила плоды приватизации, продолжая свою антинациональную деятельность и сохраняя на фасаде государства лишь конституционные декорации демократии и социального государства.

Надо отметить, что идеократизм в большинстве стран, ставших на путь социалистического развития, в конце концов, победил и вытеснил

из социальных и правовых практик принципы справедливости и равенства. Поэтому применительно к советской России можно лишь условно говорить о социалистическом или коллективистском идеократизме. Социализм в его развитом виде не удалось построить пока ни в одной стране. Под вывеской «мировая система социализма», олицетворявшую собой идеократическую цивилизацию в ее расширенном и дополненном виде, политическое руководство Советского Союза соединило разные типы обществ и политические режимы – от откровенной диктатуры до социал-демократии.

Можно ли идеократическую цивилизацию считать «хорошей»? Наверное, хороших цивилизаций, как и хороших обществ, для всех не бывает. Однако имеются цивилизации и общества, которые обеспечивает желаемый уровень жизни и комфортное существование для отдельных социальных групп. По-видимому, для Буржуа хорошими являются персоналистическая цивилизация и буржуазное общество. Для представителя советской номенклатуры – коллективистская идеократическая цивилизация с подконтрольными ей ресурсами, а для сегодняшней плутократии – государственно-корпоративный капитализм. Но, так или иначе, любая цивилизация задает свои критерии «хорошести», также, как и критерии ее оценки.

А что же происходит с цивилизационным развитием современной России? На первый взгляд, новое российское государство, образованное на обломках советской цивилизации, сохранило свой идеократический характер. Однако процессы олигархизации, захлестнувшие страну в 1990-е гг., привели к тому, что она окончательно трансформировалась в квазиидеократическую, соединив идеократию и плутократию в одном пространстве. И все же, несмотря на это, российское общество сохранило свою идеократическую природу и идеологическую биполярность. В нем по-прежнему противостоят друг с другом две идеологические системы – либерально-персоналистическая, поддерживаемая на политическом уровне правящей партией, и социально-коллективистская, представленная в деятельности левых партий. При этом квазиидеократия (союз идеократов и плутократов) использует ресурсы обеих сторон в интересах манипулирования общественным сознанием. Она либо прикрывается популистскими лозунгами о патриотизме, социальной поддержке населения и защите малого бизнеса, либо повышает пенсионный возраст и совершает другие непопулярные действия. Поэтому ей не удастся пока вести последовательный курс на сбалансированное развитие страны с учетом интересов всех групп.

Однако большинство россиян так и не сделали свой выбор, занимая выжидательную позицию, поскольку по обе стороны баррикад в политической борьбе оказались эго-деятели, представляющие противоположные

(условно «правую» и «левую») идеологические ниши. Выбор между ними ограничен. Поэтому у нас так трудно и противоречиво складывается идеологический центр, который дрейфует то из левоцентристского в правоцентристский, то, наоборот – в другую сторону. А время деятеля нового типа, способного воплотить «срединный» идеал – цивилизацию, утверждающую ценности равных возможностей и разнообразия форм творческой активности, наверное, еще не пришло.

Надо отметить, что идеократия, несмотря на гибридные формы, побеждает сегодня во всем мире, как на Западе, так и на Востоке. С этой точки зрения, нет принципиальной разницы между «либеральной демократией» США (индивидуалистической идеократией) и социалистической партократией Китая (коллективистской идеократией). И все же это разные идеократические системы, хотя их объединяет то, что обе они претендуют на мировое господство и проявляют имперские амбиции. Ведь империя по своей сути и есть суперидеократическая система. Пока сохраняются имперские традиции в той или иной стране, она продолжает оставаться идеократической.

Поэтому противоречивый характер проимперской политики современной России является одной из причин ее отторжения со стороны западной идеократии, несмотря на тот факт, что она близка в целом к модели идеократического капитализма (индивидуалистической идеократии). Полем раздора стали не только возможные, не проявившие себя в полной мере имперские интенции нашей страны, но и квазиидеократический характер власти, который сложился в постсоветский период. Возможно, Запад не принимает всерьез идеократические игры России, полагая, что за ними стоит коррупция высших государственных чиновников и принципиальная несменяемость власти, которая не желает принимать предлагаемые ей «демократические» ценности.

В то же время России с ее уменьшающимся человеческим и экономическим потенциалом следует определиться с выбором геополитического курса и более надежного цивилизационного «партнера». Как видно, ставка на западные приоритеты цивилизационного развития не оправдалась, но Россия так и не сделала решающий шаг в сторону иной цивилизационной модели, продолжая оставаться в ситуации «между». В ситуации, когда ее имперские притязания не могут быть подкреплены в ближайшие десятилетия необходимыми ресурсами (и в первую очередь – человеческими), так долго продолжаться не может.

А пока мы наблюдаем усилившееся разобщение как на глобальном уровне (борьба между суперимпериями за новый передел мира и очередной виток колонизации целых стран и народов), так и внутри России. И в

этот раз центр столкновения цивилизаций смещается от противоборства между капитализмом и социализмом, границы которых давно размыты (пример «буржуазного социализма» в Китае), к борьбе двух идеократических систем, организованных на базе разных (индивидуалистических и коллективистских) систем координат, разделяемых ценностями («свобода – справедливость» и «неравенство – равенство» и пр.).

В то же время либеральная идеократия, оплотом которой по-прежнему выступают США, и социалистическая идеократия (Китай) базируются и на схожих ценностях, проводя имперскую политику и допуская в массовых масштабах социальное неравенство и избирательную справедливость. Именно поэтому обе они относятся к идеократическим цивилизациям. Но на этом их сходство заканчивается, уступая место принципиальному различию между ними.

Впрочем, это не исключает появления гибридных форм интеграции между этими цивилизациями, так как общества социалистической ориентации, к которым все еще относит себя Китай, пока не гарантируют своим гражданам обеспечение равных прав и возможностей. К тому же, время, когда западная цивилизация (и, прежде всего, ее авангард – США) станет более «социалистической», а Китай – более «капиталистическим» уже пришло. И это окончательно сравнивает их шансы в движении по пути развития идеократических цивилизаций, которые в не очень отдаленном будущем могут охватить большую часть мира.

Поэтому противоречия между двумя сверхдержавами, о которых так много говорят нынешние политические аналитики, очень скоро уступят дорогу интеграции между ними. Оказывается, не так уж не прав был наш соотечественник П.А. Сорокин, когда создавал свою концепцию конвергенции двух мировых систем – капитализма и социализма. Сегодня эта идея вновь приобретает актуальность. Мир медленно, но уверенно дрейфует в сторону идеалистической (по Сорокину) или идеократической цивилизации. России же, по всей видимости, уготован «вторичный» проект идеократизации, если она не отважится стать на иной цивилизационный (не идеократический) путь. В последнее я что-то мало верю.

Следовательно, идеократия во всем мире одерживает победу, вытесняя прежние цивилизационные модели и порождая множество гибридных социальных и антропологических форм. При этом на цивилизационной арене появляются разные идеократические силы, размежевание между которыми носит скорее ценностный, чем политический или экономический характер. Это – различия между ценностями «прав человека» и «традиционным порядком», управляемой демократией и суверенитетом общества/государства, державностью и либеральностью и т.д.

Следовательно, борьба за геополитическое доминирование между разными цивилизационными системами мира продолжается. И центр ее тяжести постепенно перемещается в сторону ценностного противостояния идеократических цивилизаций. А значит, он переносится и в сферу отношений между коллективистской и индивидуалистической, этатистской и либерально-персоналистической идеократиями. Поэтому идеократический поворот в современной России еще не завершен, что позволяет квалифицировать ее тип цивилизационного развития как квазиидеократический, совмещающий в себе ценности коллективизма и индивидуализма. Вместе с тем ценностные противоречия между «державниками» и «либералами», «коллективистами» и «персоналистами» продолжают размываться.

Еще раз подчеркиваю, что не только отсутствие официальной государственной идеологии считается слабым местом в цивилизационном развитии России. Вторым и более важным фактором выступает господство плутократии, контролирующей подавляющую часть ресурсов страны. Но что же поддерживает тогда в России идеократический дух? Думаю, что, кроме традиционных ценностей, еще одним основанием выступают имперские притязания политического руководства страны, разделяемые значительной частью наших сограждан, на которых ориентированы мощные информационные кампании («Крымская весна», «Донбасс наш» и пр.). Однако пока плутократия сдерживает развитие России как идеократической системы, культивируя индивидуальное потребление и размывая коллективистские ценности. Общему делу «коллективистов» она противопоставляет интересы личного бизнеса.

Таким образом, Россия возвращается от индивидуалистической к коллективистской цивилизации, сохраняя свой идеократический дух. И на нем нас еще ожидают исторические сюрпризы. Ей еще предстоит преодолеть квазиидеократический характер, замешанный на спекуляциях по поводу державности и народности, и освободиться от диктата плутократии. Возможно, российская идеократия обязательно найдет другие точки опоры. Пока же она прикрывается патриотическими лозунгами и упорно продолжает искать новые идейные скрепы, предназначенные для массового распространения. Но формула идеократической власти («справедливый вождь плюс лояльное ему население, с одной стороны, и недружелюбная элита, далекая от интересов народа, с другой») продолжает работать и приносить политические дивиденды уже сегодня. И не стоит надеяться, что нынешняя власть в ближайшее время потеряет свою связь с плутократией и станет открытой для перемен. Потребуется долгие годы для пробуждения самосознания российского человека.

Цивилизационные типы человека в квазиидеократической России. Но как бы то ни было, противоречивый характер квазиидеократической системы в России привел к тому, что в ней сложились разные, порой исключают друг друга, цивилизационные поля (идеократическое, персоналистическое и коллективистское), которым соответствуют те или иные типы личности.

Отсюда вытекает четвертая гипотеза: *поскольку Россия продолжает существовать как квазиидеократическая система, соединяющая индивидуалистические и коллективистские, либерально-рыночные и этатистские ценности, то доминирующим типом человека в ней выступает отнюдь не Идеократ, а гибридный тип – симбиотическая личность.* В социальном плане – это в первую очередь представители правящей партии и чиновники высшего звена системы государственного управления, а в социальном – различные, консервативно настроенные слои населения (служащие госучреждений и силовых структур, пенсионеры и пр.). Именно они выступают за несменяемость высшей политической власти в стране и сохранение своих позиций.

Наряду с Идеократом в современной России сосуществуют и другие цивилизационные типы человека, в т.ч. Буржуа, Человек труда и пр. Каждый из них имеет свою сферу бытия (мир бизнеса, мир труда, мир государства и др.) и вынужден приспосабливаться к условиям идеократической системы, что накладывает свой отпечаток на образ их жизни и приводит к появлению гибридных типов человека.

Однако в квазиидеократическом обществе на первый план выходит гибридная фигура симбиотической личности, в которой сосуществуют по сути множество разных людей – идеократ и традиционалист, коллективист и персоналист, «державник» и либерал. Как известно, симбиоз является промежуточным звеном между взаимодействием организмов, принадлежащих к разным видам, и как результат – их слиянием путем межвидового скрещивания.

Симбиотическая личность есть в первую очередь результат симбиоза идеократа с персоналистом и коллективистом. Однако в зависимости от выраженности одного из этих начал в ней может преобладать либо идеократический коллективист («идеократический человек труда» или «служебный человек»), либо идеократический персоналист («буржуа-идеократ» или «плутократ»). Похоже, что последний как раз и представляет главный резерв для пополнения нынешней квазиидеократической власти, составляя большинство представителей в органах госуправления.

Дело в том, что в российском обществе к идеократам относится лишь незначительная часть людей, убежденных в своей избранности и имеющих жесткую систему идеологических координат. Большинство же лю-

**Табл. 2. Разнообразие цивилизационных типов человека
в квазиидеократической России**

Цивилизационные поля российского человека	Комбинация цивилизационных типов	
	"Маргинальные" типы, относящиеся к разным цивилизационным полям	"Гибридные типы", относящиеся к "смешанным" моделям
<i>Ориентация на избирательную справедливость</i>		
Идеократическое	Идеократ, находящийся в политической изоляции и на периферии общественной жизни	Симбиотическая личность, занимающая доминирующие позиции в обществе (идеократический персоналист или коллективист)
<i>Ориентация на приоритет индивидуальной свободы</i>		
Персоналистическое	Буржуа, не приспособившийся к нынешней социально-экономической ситуации	Буржуа-идеократ — плутократ, относящийся к власти в государстве как к бизнесу
<i>Ориентация на коллективистские ценности</i>		
Коллективистское	"Человек труда", сохранивший свое существование в небольших хозяйственных анклавах	"Служебный человек" — корпоративные и бюджетные работники
<i>Ориентация на допустимое как предельно возможное</i>		
Экспертно-экологическое	Экологическая личность (эко-деятель), выступающая в идеале субъектом реализации решений во всех сферах общественной жизни и имеющая ограниченное поле деятельности	Эколог-эксперт — представитель интеллектуального сообщества, осуществляющий выборочную экспертизу в природоохранительной сфере

дей представляют собой симбиотический тип, совмещающий в себе, как было сказано, коллективистскую ментальность и элементы коллективистского (отчасти общинного, отчасти корпоративного) самосознания, с одной стороны, и индивидуалистическую и рыночную ментальность, с другой. При этом их идеократическая ориентация трансформируется, приобретая те или иные гибридные формы. Поэтому многие, в т.ч. представители элиты, пребывают в состоянии симбиоза с квазиидеократическим режимом и не могут выйти за его пределы, продолжая извлекать из этого состояния личную выгоду (признание, стабильность, благополучие). Это относится и к определенной части отечественных гуманитариев и социальных ученых, которых устраивает их нынешнее положение. Ради относительного благополучия некоторые из них готовы пожертвовать критическим мышлением и гражданской позицией.

Таким образом, коллективистская идеократическая цивилизация, сложившаяся в советское время, начиная с конца 1990-х гг., трансформируется в квазиидеократическую систему, что связано одновременно с личностными изменениями человека. По мере ослабления идеократического характера системы границы существования человека размываются. Потеряв прежние идеологические ориентиры и не восприняв до конца новые (индивидуалистические), он стал постепенно переходить в состояние Симбиотической личности. Очевидно, что для этого в его жизни должны были произойти радикальные изменения (развал страны, смена по-

литического строя, потеря работы, духовный кризис и пр.). Однако квазиидеократ или Симбиотическая личность в отличие от Идеократа – всего лишь временный сторонник правящего режима и провозглашаемых им гибридных, в т.ч. либерально-патриотических ценностей.

Как видно из таблицы, альтернатива квазиидеократическому человеку (симбиотической личности) в современной России мне видится в становлении экологической личности («эко-деятеля»), который опирается первоначально на власть экспертов, экспертократию (см. прим. 4). Ценностной предпосылкой ее деятельности уже сейчас выступает допустимое как предельно возможное в данных условиях. Именно последнее нуждается в последующей концептуализации применительно к проектированию экосоциальной цивилизации.

Но для появления эко-деятеля на исторической арене еще не сложились реальные политико-экономические и социокультурные предпосылки. В виду малочисленности и незначительного влияния у него отсутствует собственное цивилизационное поле, что позволяет пока относить его к маргинальным типам. Экологическая экспертиза принимаемых управленческих решений пока относится к природоохранительной деятельности и не стала обязательным регулятивом в других сферах общественной жизни.

В нынешних условиях приход к власти убежденных идеократов маловероятен, а симбиотический человек, как и плутократа, предпочитает поддерживать статус-кво. Но сможет ли в России сформироваться эко-деятель, способный бросить вызов Идеократу и Симбиотической личности, покажет время. Предпосылки его возможного участия в цивилизационном проектировании, ориентированного на допустимые изменения в природе и обществе, требуют дальнейшего изучения.

Вместо заключения. Подведем теперь краткие итоги.

1. Россия пребывает в состоянии цивилизационного разлома, который приводит к столкновению ценностей вполне конкретных людей, являющихся носителями больших и малых культур. При этом речь идет не только о национальных культурах, представителями которых они выступают, но и об их цивилизационных предпочтениях.

Цивилизационные ценности человека складываются между высшим («метафизическим») уровнем, конституирующим его бытие в целом, и «страновым» или транснациональным уровнем. Именно эти ценности связывают сознание представителей больших национальных культур, стремящихся к образованию наднационального духовного единства.

2. Цивилизационные ценности российского человека подразделяются соответственно далее на два больших класса – интегративные и транснациональные. Первые (межчеловечность, сочеловечность и всечеловеч-

ность) объединяют людей в разных формах общения, поддерживающих целостность цивилизации «снизу-доверху». Им противостоят ценности надчеловеческого существования (глобализации) и расчеловечивания, культивируемые в ряде регионов мира. Вторые дифференцируют людей на группы в зависимости от отношения к социальному порядку («свобода – несвобода», «справедливость – несправедливость», «равенство – неравенство» и пр.), устанавливая ценностный водораздел между ними.

Российский человек существует в сложном цивилизационном пространстве, постоянно выбирая между основополагающими ценностями – коллективистской ориентацией на общее дело («бытие всех со всеми и ради справедливости для всех») или индивидуалистической ориентацией на личную выгоду («свободное бытие каждого для-себя или для-своих»), идеократичностью и «державностью» («бытие всех и каждого ради справедливости для избранных») или плутократичностью («бытие всех на условиях легитимации свободы одних и несвободы других»).

В зависимости от вышеуказанных критериев можно выделить четыре типа цивилизационного развития (всечеловеческий – свобода и равенство, коллективистский – справедливость и равенство, персоналистический – свобода и неравенство, идеократический – справедливость и неравенство). Им соответствуют типы человека – всеобщий человек, человек равного труда, буржуа и идеократ. Каждый из них придерживается определенных цивилизационных ценностей.

3. Россия после распада СССР в 1990-е гг. продолжила идеократическую траекторию развития. Даже при отсутствии официально заявленной государственной идеологии она сохранила в себе дух имперскости и экспансивный характер внешней политики, авторитаризм во внутренней политике, фактически однопартийную политическую систему и контроль над СМИ. Все это свидетельствует о реальных, а не о воображаемых цивилизационных приоритетах страны. При этом она не желает идти в русле развития западной цивилизации. Однако, кроме внешнего давления, которое оказывает на Россию Запад, сдерживающим фактором на этом пути выступает плутократия, подчинившая своему контролю львиную долю общественных ресурсов.

Поэтому на сегодняшний день Россия представляет собой квазиидеократическую систему, совмещающую в себе либеральные и социалистические ценности, державность и либеральность, рынок и социальное государство. С этой точки зрения, она не является единым цивилизационным целом. Этим объясняется во многом непоследовательный характер социально-экономических реформ в стране и несменяемость ее политической системы, зависимой от плутократии. Движение к новому государ-

ству-цивилизации («общественному государству») предполагает ограничение и сворачивание деятельности плутократии и контролируемого ею «глубинного государства» в соответствии с экологическим критерием допустимого как предельно возможного в данных условиях.

4. На современном этапе российский человек существует в смешанном цивилизационном пространстве, разделяя свои ценностные предпочтения между разными цивилизационными полями: с одной стороны, коллективистской и персоналистической моделями цивилизации, с другой, между идеократическими и персоналистическими и/или коллективистскими моделями.

Основной цивилизационный тип российского человека (симбиотическая личность) характеризуется противоречивым характером. Он выступает результатом симбиоза идеократа с персоналистом и/или коллективистом, что приводит, как минимум, к двум подтипам – идеократическому коллективисту («служебному человеку») или идеократическому индивидуалисту («буржуа-идеократу», плутократу), отношения между которыми часто складываются конфликтным образом. «Чистые» типы (Идеократ, Буржуа, Человек равного труда) не получили широкого распространения и остаются на периферии общественной жизни. Так что главным агентом квазиидеократической России по-прежнему выступает симбиотический человек, который, как и служебный человек, находится в прямой зависимости от плутократии. Альтернативный им тип (экологическая личность, или «эко-деятель») еще не сформировал окончательно собственное цивилизационное поле. Пока оно остается размытым.

Итак, российский человек пребывает в состоянии цивилизационного симбиоза. Он еще не сформировался как «чистый» цивилизационный тип и продолжает занимать «промежуточную» позицию между идеократией и плутократией. Поэтому ему только предстоит сбросить с себя оковы зависимости и сформировать экологическое отношение к обществу и цивилизации. Но это уже будет совершенно другой культурно-цивилизационный тип.

ЛИТЕРАТУРА

1. Заславский В.В. Возможности цивилизационного развития России // Вестник РФО. – 2021. – Вып. 1-2 (95-96). – С. 23-31.
2. Кружмалев А.Е. Плутократия как феномен трансформирующейся России // Социологические исследования. – 2010. – № 2. – С. 20-29.
3. Смирнов А.В. Всечеловеческое vs общечеловеческое. – М.: Садра; Изд. дом ЯСК, 2019. – 216 с.
4. Глостанова М.В. Деколониальный проект: от политической деколонизации к деколонизации мышления и сознания // Личность. Культура. Общество. – 2009. Т. XI. – Вып. 1 (46-47). – С. 143-157.

Примечания

1. Правдоискательство — исконно российская черта. Не случайно в уста одного из героев современного российского фильма («Брат») сценарист вложил такие слова: «Вся сила в правде». Правда понимается обычными людьми как соответствие реальной практики их жизненным идеалам. С точки зрения философов, она представляет собой «синтез истины и справедливости» (Н.К. Михайловский), смысл «всеобщего спасения» (Н.Ф. Федоров), «тождество добра и истины» (Вл. Соловьев), ценностное восприятие истины (Н.А. Бердяев).

В русском языке «правый» — тот, кто поступает правильным или должным образом. Другими словами, Правда есть то, что делается во имя правильных (и праведных) с точки зрения самих людей целей. В ней заключен идеал (представление о должном) и его исполнение. Этот Правда отличается от Истины, которая характеризует предмет в его сущности. Правда укоренена в самом бытии человека, в его поступке. Она «вмонтирована» в поступок как соединение общезначимого и фактического (действительного) в нем (М.М. Бахтин).

Однако у каждого народа и государства может быть своя Правда, которую иногда называют «экзистенциальной истиной». Есть она и у России. Именно поэтому ее объявили экзистенциальным врагом. У нас могут быть сколь угодно общие с Западом системно-формальные атрибуты («рынок», «капитализм», «демократия» и пр.), но вне зависимости от общности социально-экономических и политических условий нас разделяют с ним разные экзистенциальные истины. В этом, на мой взгляд, коренится важная причина нарастания цивилизационных противоречий России и Запада.

Пока же у нас сложилась патовая ситуация как внутри страны, так и на внешнеполитическом фронте, напоминающая мне ленинское определение революционной ситуации: Запад уже не может навязать нам свои цивилизационные ценности, а мы (прежде всего, наша политическая элита) еще не готовы сформулировать собственные ценности и донести до масс четкое понимание Правды как нашей и только нашей экзистенциальной истины.

2. Отмечу, что я рассматриваю локальную цивилизацию как *систему обществ, объединенных общим ядром культуры, схожими способом производства и формой политической организации*. Примером такой цивилизации выступает Западная Европа, сплотившая впоследствии вокруг себя страны всего Запада. В России цивилизация изначально выступала в образе могущественного государства. Поэтому на ее территории (сначала Российской империи, а затем и Советского Союза) конституировалось собственное государство-цивилизация, которое эволюционировало от традиционной цивилизации к современной. Но именно такое государство стало главным объектом атаки плутократии. Последняя стала претендовать на свое «государство в государстве», или «глубинное государство».

Можно далее предположить, что попытки разделить искусственно общество и государство могут закончиться (и уже заканчивались) очередной национальной катастрофой. Возможно, автократия (как самовластие) является их связующим механизмом на данном этапе исторического развития России. И это одна из принципиальных точек ценностного (и шире — цивилизационного) водораздела между Россией и Западом. Речь может идти сегодня лишь о форме автократии в России — слабом или умеренном авторитаризме либерального толка или о его более жестком коллективном варианте, ориентированном, например, на социалистические идеалы (например, Политбюро ЦК КПСС).

Можно, опять же, предположить, что пока авторитаризм, персонифицированный в лице Президента РФ и опирающийся на достаточно широкую поддержку народа, наталкивается на сопротивление так называемого «глубинного государства» (и, прежде всего, плутократии как корпорации чиновников и тех, кого называют олигархами), противопоставившего себя большинству граждан страны и блокирующему радикальные преобразования страны, в т.ч. законодательные инициативы самого Президента РФ.

Поэтому может сложиться впечатление, что мы существуем в разных обществах и государствах, хотя и находимся в одном географическом пространстве, именуемом Россией.

И дело здесь не столько в социокультурном разнообразии страны, а сколько в разделенности и расколе жизненных миров людей, принадлежащих к разным социальным стратам и группам. Так что у нас теперь имеются не просто разные жизненные уклады, которые дифференцируют общество на множество зон или сфер, а принципиально несовместимые друг с другом цивилизационные поля, имеющие автономные социально-экономические модули и соответствующие им разные ценностные ориентиры, и предоставляющие несопоставимые жизненные стандарты включенным в них людям.

Вот таким, как минимум, двухсоставным гибридом мне представляется сегодняшнее российское общество. При этом расколото не только общество, но и государство, поскольку они могут существовать лишь как единое целое.

Пока у нас сохраняется «государство для своих» или «глубинное государство», нам не выбраться из цивилизационного кризиса. Чтобы выйти из него, необходимо восстанавливать утраченную целостность общества-государства. На место «глубинного государства» должно прийти «общественное», или, точнее говоря, «обобществленное» государство, основанное на социальном доверии. А это значит, что государство должно перейти под полный контроль общества, социализироваться и перестать быть корпорацией чиновников и представителей крупного бизнеса. Только в этом случае нам удастся создать предпосылки иного общественного порядка и преодолеть плутократизм.

3. Давайте вообразим на мгновение, что жизненный цикл Земли подошел к концу. Она больше не пригодна для жизни. И рядом с ней каким-то чудесным образом сформировалась другая планета с теми же условиями для жизни, что и наша («Земля-2»). Ведущие страны мира начали процесс колонизации новой Земли. Такие фантастические проекты пока создаются в воображении писателей-фантастов и киносценаристов. Подобный сюжет реализуется, например, в фильме «За пределами Вселенной» (Великобритания, 2017 г.). Авторы фильма ставят закономерные вопросы: «Каким будет мир на новой планете?». «Как люди используют такой шанс, чтобы обустроить свой дом, избежав ошибок и сделав выводы из уроков исторического прошлого?».

Но не такой выбор стоит перед нынешней Россией. В отличие от вышеупомянутого сценария у нас нет другой земли, на которую мы смогли бы переселить население страны. И, на мой взгляд, вовсе не обязательно создавать новые миры в ином или параллельном космическом пространстве. Достаточно реконструировать наш мир с учетом ее исторического опыта, в т.ч. найти наиболее приемлемый для жизни и экологически безопасный вариант цивилизационного развития. Ведь любая цивилизация задает предельно широкую культурную рамку существования народов и государств. Почему бы нам не попытаться собрать свои ценностные представления о мире и не построить такой свободный и справедливый цивилизационный порядок, который бы дал человечеству возможность преодолеть разные ограничения? Не об этом ли мечтал в позапрошлом веке наш великий русский философ Н.Ф. Федоров. Некоторые современные отечественные исследователи правомерно связывают такой порядок с идеей всечеловечности (см., например, [3]). Но есть ещё один важный критерий цивилизационного развития России, который я связываю с идеей допустимого, определяющего границы вмешательства человека в социоприродные процессы.

4. Чтобы освободиться от господства плутократии, необходимо, с одной стороны, привлекать к сотрудничеству экспертов — лучших специалистов в области экономики, политики и права, с другой, выстроить систему общественного контроля граждан (референдумы, электронное голосование по принципиальным вопросам, право отъезда депутатов и пр.). Именно это и предполагает общественное (или общенародное) государство. Но такое государство должно быть еще и экологически безопасным, ориентированным на жизненные интересы своих граждан. А значит, политика такого государства направлена на сохранение и развитие жизни людей, а также их постоянных спутников — других живых существ.

Поступила в редакцию 07.08.2021 г.